

110

РУССКІЕ

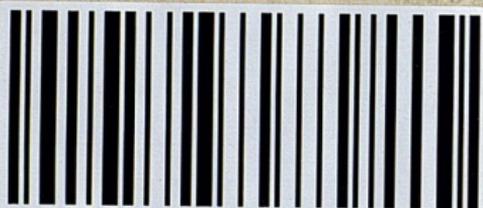
ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

СОЧИНЕНІЕ

М. Б. ЧИСТЯКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ Я. А. ИСАЕВА.

2010513735

157 58-0

Въ типографіи В. БЕЗОВРАЗОВА и Комп.

(Вас. Остр., 8 л., д. № 45).

1868.

СНОШЕНІЯ РОССІИ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ

СЪ

ХИВОЮ И БУХАРОЙ.

Торговяя сношенія между Россіей и средне-азіатскими владѣніями существовали съ XVI столѣтія; персидскія и бухарскія посольства неоднократно бывали у Великихъ Князей Московскихъ и заключали торговые союзы. При Петрѣ Великомъ, въ Астрахань пріѣхаль, въ 1713 году, одинъ изъ владѣтелей туркменскихъ—Нефесъ, подружился съ княземъ Самановымъ и въ тайныхъ разговорахъ выразилъ желаніе содѣйствовать тому, чтобы Русскій Царь послалъ войско и, при помощи Туркменцевъ, овладѣлъ строною, по которой течеть Аму-Дарья и въ которой много златоноснаго песку. Онъ рассказываль, что хивинскіе узбеки изъ опасенія, чтобы русскіе не зашли по Аму-Дарьѣ въ

Хиву, нарочно засыпали тотъ рукавъ рѣки, который вливался въ Каспійское море: загородивъ его валомъ, отвели теченіе въ одно Аральское море, но валъ прокопать ничего не стоитъ и тогда рѣка опять потечетъ по своему старому руслу.

Около этого-же времени изъ Сибири князь Гагаринъ донесъ Петру Великому, что по собраннымъ свѣдѣніямъ въ Малой Бухаріи, близъ города Эркети, въ Сыръ-Дарьѣ находятъ очень много золотаго песку. Онъ предлагалъ Государю завладѣть теченіемъ Сыръ-Дарьи до города Эркети и считалъ для этого необходимымъ построить крѣпостцы отъ Тобольска до Эркети. Императору планъ этотъ очень понравился, тѣмъ болѣе, что на исполненіе его особенныхъ расходовъ не требовалось: кн. Гагаринъ брался строить крѣпости и содержать въ нихъ гарнизоны на счетъ доходовъ сибирскихъ, просилъ только два, или три полка регулярныхъ войскъ, да нѣсколько уфимскихъ башкирцевъ.

Въ Москвѣ находился хивинскій посланникъ; онъ подтвердилъ извѣстіе, сообщенное Гагаринымъ, и предлагалъ Петру построить крѣпость при старинномъ прикаспійскомъ устьѣ Аму-Дарьи и оставить въ ней хорошій гарнизонъ. Изъ предписаній Петра видно, что онъ не столько надѣялся на золотой песокъ, сколько на золото, которое принесетъ торговля, выгодно направленная.

Въ 1714 году Петръ Великій собственноручно далъ указъ Сенату послать въ Хиву нарочнаго посланника, съ поздравленіемъ Хивинскаго хана, по случаю его восшествія на престоль; а оттуда приказано было послу отправиться къ Бухарскому хану, въ городъ Эркети, по торговому дѣлу, и между тѣмъ провѣдать *и о другихъ надобностяхъ*. Посломъ назначень былъ князь Александръ Бековичъ Черкасскій.

Казанскій губернаторъ выдалъ кн. Черкасскому 5 тысячъ рублей, на казенный счетъ въ Астрахани построилъ нѣсколько судовъ, снарядилъ порядочное войско, и вся флотилія вышла изъ Астрахани въ ноябрѣ. Время года было уже позднее, бури на морѣ большія, изъ флотиліи, на высотѣ устья Урала, разбило два струга и, не достигнувъ мѣста назначенія, Черкасскій принуждёнъ былъ возвратиться въ Астрахань. Впрочемъ первая неудача не отняла мужества; весною въ слѣдующемъ году Бековичъ опять вышелъ въ море, присталъ къ восточному берегу Каспійскаго моря и, собравъ начальниковъ туркменскихъ племенъ, началъ ихъ спрашивать о прежнемъ теченіи Аму-Дарьи и о томъ, нельзя-ли поворотить его назадъ въ прежнее ложе. Туркменцы увѣряли кн. Черкасскаго, что это очень легко, стоитъ только прокопать каналъ въ 20 верстѣ длиною къ заливу Каспійскаго моря — къ

Краснымъ водамъ, и рѣка вновь потечетъ къ Каспійскому морю. Князь Черкасскій немедленно приказалъ двумъ астраханцамъ, въ сопровожденіи небольшого охраннаго отряда и съ туркменскимъ предводителемъ хаджи Нефесомъ отправиться для изслѣдованія страны, а самъ со всею флотиліей отправился въ заливъ — Красныя воды. Хаджи Нефесъ былъ тотъ самый туркменецъ, который съ кн. Самановымъ ѣздилъ въ Москву съ предложеніями Петру Великому.

Экспедиція отправилась по обыкновенной караванной дорогѣ въ Хиву и на 12 день достигла до рѣки Карагачъ; здѣсь начинался земляной валъ въ 1½ аршина высоты и въ 3 сажени ширины; онъ шелъ въ двухъ верстахъ отъ Аму-Дарьи, на разстояніи пяти верстъ въ длину; въ это время вода разлилась и доходила до самаго вала. Провожатые своротили въ сторону, и экспедиція, около двадцати верстъ, шла по степи; на пути ей попался низменный доль, по которому и пошли; туземцы утверждали, что это-то и есть старое русло Аму-Дарьи и что по немъ можно дойти до Каспійскаго моря. Три дня путешественники шли по узкому долу; съ обѣихъ сторонъ тянулись береговья возвышенія; по временамъ, ихъ прерывали ущелья, похожіе на ложе высохшихъ ручьевъ, или каналовъ, посредствомъ которыхъ отводили воду для

поливанія полей; по берегамъ замѣтны были развалины городовъ и селеній. До конца высохшаго русла туркменцы не пошли, отговариваясь тѣмъ, что путь не безопасенъ, что каждую минуту можно ожидать нападенія хивинцевъ. Экспедиція принуждена была своротить съ дороги и по безводной степи, послѣ затруднительнаго двухнедѣльнаго перехода, возвратилась къ Краснымъ водамъ. Князь Черкасскій остался недоволенъ недостаточными свѣдѣніями; онъ отправилъ вторую экспедицію, чтобы осмотрѣть русло Аму-Дарьи отъ того мѣста, гдѣ первая остановилась, до Каспійскаго моря; но и вторая экспедиція была не успѣшнѣе первой, потому что провожатые и въ этотъ разъ, подъ тѣмъ же предлогомъ, отказались провожать. Въ этотъ разъ была, однакожь, осмотрѣна часть русла, прилегавшая къ морю; показанія туркменцевъ и собственныя наблюденія увѣрили князя Черкаскаго въ томъ, что передъ нимъ, дѣйствительно, старинное русло Аму-Дарьи и что валь; два раза видѣнный его посланными, своротилъ теченіе рѣки отъ Каспійскаго въ Аральское море. Съ восточныхъ береговъ Каспійскаго моря была снята карта, въ морѣ дѣлали промѣры, для опредѣленія береговой глубины. Карту и извѣстія объ устьѣ Аму-Дарьи при отчетѣ отослали Петру Великому, а самъ Черкасскій возвратился въ Астрахань.

Оттуда онъ поѣхалъ въ Москву, но не заставъ тамъ Государя, поѣхалъ въ Петербургъ; тутъ, узнавъ, что Петръ отправился въ Ригу, Черкасскій, по приказанію Сената — за нимъ. Война съ шведами длилась и потому Петръ не долго оставался на одномъ мѣстѣ; Черкасскій встрѣтился съ нимъ только близъ Либавы и тутъ представилъ подробный отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ. Въ отчетѣ своемъ Бековичъ писалъ, что братья извѣщаютъ его о волненіяхъ на Кавказѣ: туда прибыли послы отъ Турціи съ предложеніемъ принять кавказскія племена подъ свое подданство; въ Кабардѣ крымскіе посланные не нашли приверженцевъ, но нашли ихъ въ Шафкальскихъ владѣльцахъ; противъ нихъ возстали другіе, и между кавказцами началось междоусобіе. Бековичъ предлагалъ Петру содѣйствіе своихъ братьевъ, чтобы не допустить кавказцевъ отдаться во власть султана, и совѣтовалъ напротивъ [принять дѣятельныя мѣры, чтобы удержать Кавказъ за Россіей, и не позволять туркамъ утвердиться на немъ.

Донесенія князя Черкаскаго побудили Петра снарядить новую экспедицію въ Хиву, и она опять поручена была Бековичу; подробное наставленіе, какъ дѣйствовать, было ему написано собственноручно Петромъ. Наставленіе состояло изъ 13 статей; кн. Черкасскому поручалось: устроить крѣ-

пость близъ высохшаго устья Аму-Дарьи и оставить въ ней 1000 человекъ гарнизона; потомъ, въ качествѣ посла, ѣхать ко двору Хивинскаго хана, стараясь притомъ не терять изъ виду засохшаго русла рѣки, и внимательно осмотрѣть его, а потомъ подробно изслѣдовать теченіе Аму-Дарьи и плотину; если мѣсто позволить, то выстроить новую плотину со стороны Аральскаго моря и, прорывъ старую, теченіе рѣки опять повернуть къ Краснымъ водамъ; для достиженія этой цѣли, построить вторую крѣпость и оставить въ ней столько солдатъ, сколько нужно для работъ и для охраны; по приѣздѣ въ Хиву войти въ дружескія сношенія съ ханомъ; если можно, то склонить его на подданство Россіи, оставивъ ему наследственное право владѣнія и предложить ему, для увеличенія власти, гвардію, составленную изъ русскихъ, но на жалованьѣ и содержаніи хивинцевъ; если же это покажется хану слишкомъ дорого, то Царь принимаетъ содержаніе гвардіи на свой счетъ, но не долѣе одного года; если ханъ склонится на эти условія, то просить его, чтобы послалъ нѣсколько хивинцевъ вмѣстѣ съ русскими, вверхъ по Сырь-Дарьѣ до Эркети, для изслѣдованія золотаго песку, составлявшаго дно рѣки, кромѣ того даль-бы нѣсколько судовъ, на которыхъ бы экспедиція отправила русскихъ купцовъ по Аму-Дарьѣ въ Индію.

Экспедиціи поручено было вести самый подробный журналъ и, даже до мелочей, описывать свои наблюденія. Во время пребыванія въ Хивѣ, Бековичу поручено было войти въ сношенія съ бухарскимъ ханомъ, если можно, склонить его тоже къ подданству, если нѣтъ—то, по крайней мѣрѣ, покороче съ нимъ сблизиться и предложить хану *русскую гвардію*, потому что, какъ Петръ выражался, «тамъ ханъ бѣдствуетъ отъ подданныхъ».

Черкасскому, для исполненія этого порученія, назначалось: 4 тысячи регулярнаго войска, нѣсколько морскихъ и инженерныхъ офицеровъ, 2000 казаковъ и 100 драгунъ и много купцовъ. Изъ Астрахани имъ было предписано отправиться караваномъ; войско же должно было составлять стражу каравана; близъ плотины остановиться и начать строить городъ; съ туземцами приказано было *обходиться ласково и безтягостно*. Сенату приказано было дать Бековичу грамоты къ Хивинскому и Бухарскому хану. Путешествіе въ Индію поручено было, подъ видомъ купца, предпринять морскому офицеру Кожину, которому и дана особая инструкція.

Князь Черкасскій просилъ Сенать отпустить ему продовольствія для войска на три года, дать подводъ для сухопутнаго путешествія, и достаточное число судовъ для морскаго, да товаровъ для отправленія въ Индію по Аму-Дарьѣ и знающихъ метал-

лурговъ для изслѣдованія дна Сыръ-Дарьи; да кромѣ того отпустить достаточно денегъ для жалованья войску и для непредвидѣнныхъ случаевъ при постройкѣ крѣпостей.

Пока снаряжалась экспедиція, изъ Бухары пришло посольство въ Астрахань; его приняли съ почестями и на 120 подводкахъ отправили въ Москву, а оттуда въ Петербургъ; цѣль его заключалась въ томъ, чтобы возобновить увѣренія въ дружбѣ къ русскимъ, а потомъ въ грамотѣ было сказано, что до Бухарскаго хана дошло извѣстіе, что русскіе намѣрены построить городъ на дорогѣ отъ Каспійскаго моря до Хивы, для того, чтобы облегчить торговля сношенія, что ханъ очень одобряетъ это намѣреніе и, съ своей стороны, готовъ содѣйствовать ему, потому что торговля тѣмъ значительно облегчится, выиграетъ и станетъ безопаснѣе.

Экспедиція кн. Черкаскаго была снаряжена и вышла изъ Астрахани; долго флотилію метали противныя вѣтры, но наконецъ она пристала къ восточному берегу Каспійскаго моря; на песчаную косу, далеко впадающуюся въ море, высадили одинъ полкъ; его встрѣтилъ Гаджа Нефесъ съ своими туркменцами; положено было тутъ же на косѣ строить крѣпость, но военный совѣтъ единодушно рѣшилъ, что мѣсто не безопасно, растительности никакой, воды нѣтъ, а въ сильную бурю во-

да можетъ заливать низкое побережье. Черкасскій не слушалъ совѣтовъ и все-таки приказалъ строить крѣпость; самъ же, съ остальнымъ войскомъ, поѣхалъ далѣе, къ заливу Красныя воды. Еще съ прежней стоянки отправлены были посольства въ Хиву и Бухару съ тѣмъ, чтобы объявить о мирныхъ намѣреніяхъ экспедиціи и что войско взято съ собою только для охраны, а не для нападенія. Посоль въ Бухару не попалъ, потому что, по случаю волненія въ Астрабадѣ, ему нельзя было высадиться, какъ это было предположено, чтобы дальше отправиться сухимъ путемъ. Въ новой пристани, при Красныхъ водахъ, еще заложена была крѣпость; тѣмъ и окончилась экспедиція въ этомъ году, и князь Черкасскій поѣхалъ обратно въ Астрахань.

Здѣсь получилъ онъ извѣстіе отъ своихъ гонцевъ, отправленныхъ въ Хиву; большіе снѣга и непогоды ихъ долго задерживали въ дорогѣ, а по приѣздѣ, ихъ тотчасъ посадили подъ караулъ; подъ предлогомъ, что хана нѣтъ въ Хивѣ и что онъ еще не возвратился изъ похода; но и по возвращеніи его, посланныхъ отъ князя Бековича все-таки не представляли хану; только въ концѣ февраля приближенный и любимецъ хана принялъ подарки, а до хана все еще нельзя было проникнуть; гонцовъ все продолжали держать подъ карауломъ.

Наконецъ въ мартѣ дворянинъ Воронинъ былъ допущенъ къ хану; онъ принялъ письма и подарки, выслушалъ слова посланнаго и спросилъ: «зачѣмъ-же русскіе строятъ крѣпости на чужой землѣ, если пріѣхали съ мирными видами? Зачѣмъ привели съ собою такое сильное войско?» Посланныхъ опять посадили подъ стражу; но они нашли возможность обо всемъ тайно написать князю Черкасскому и извѣщали его о томъ, что въ Хивѣ идутъ сильныя военныя приготовленія и что 1000 человекъ, въ видѣ передоваго отряда, уже выступили на встрѣчу русскимъ. Извѣстіе это, однакожъ, не испугало Бековича; онъ былъ увѣренъ, что съ своимъ войскомъ побѣдитъ вдесятеро сильнѣйшее.

Въ началѣ апрѣля, усиливъ войско свое регулярною пѣхотою, драгунами, казаками и черкесами, которые пришли съ его братьями, кн. Бековичъ приказалъ всѣмъ отрядамъ собраться у Гурьева городка, что на восточномъ берегу Каспійскаго моря, и самъ поѣхалъ туда-же. Передъ выступленіемъ, ему пришлось отдѣлить часть своего войска для усиленія гарнизона и рабочихъ въ новозаложенныхъ крѣпостяхъ. Рабочіе тамъ особенно терпѣли отъ недостатка воды; во вновь вырытыхъ колодцахъ она очень быстро портилась, дѣлалась совершенно негодною и вредною и колодець, не далѣе какъ черезъ три дня, приходилось опять зарывать,

отъ дурной же воды открылась большая смертность: въ полгода умерло около 500 человекъ. Неожиданная необходимость убавить отрядъ было очень неприятное обстоятельство, но князь Черкасскій надѣялся пополнить его туркменцами, и для этого отправилъ гонцовъ къ тремъ знакомымъ султанамъ, съ просьбою о помощи; туркменцы прислали только десять человекъ въ проводники, съ собственнымъ посломъ къ хивинцамъ, не давали вооруженныхъ людей, отговариваясь тѣмъ, что жары большіе, и лошадямъ, и людямъ было-бы не въ терпежь. А между тѣмъ цѣль у нихъ была другая: имъ хотѣлось выждать, на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ, и пристать къ побѣдителямъ; такъ они въ послѣдствіи и сдѣлали.

Пришлось, въ теченіи нѣсколькихъ дней, идти по совершенно безводной степи, наконецъ выбрались на возвышенный берегъ Усть-Урта; онъ утесистыми скалами идетъ по западному берегу Аральскаго моря, простирается далѣе до самаго Каспійскаго и составляетъ границу плоской возвышенности, которая отдѣляетъ оба моря. Семь недѣль ѣхали по плоской возвышенности; она покрыта песчаными бугорками; кормъ для лошадей и верблюдовъ хотя небогатый, но есть; лѣсу же очень мало и только мѣстами, да и то самый мелкій, просто какъ прутья, товалга и карагачъ; его можно было употреблять для варки кушанья, и этимъ пользо-

вались; хотя текучей воды не было, но ею можно запасаться изъ колодцевъ, нарочно сдѣланныхъ на извѣстныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ.

Во время одной остановки у колодца Чидлань, туркменецъ Кашка, съ своими десятью единоплеменниками, ночью тайно бѣжалъ; одни изъ нихъ возвратились къ своимъ кочевьямъ, а другіе пробрались къ Хивинскому хану, съ донесеніемъ о томъ, что видѣли и что узнали въ русскомъ войскѣ; у русскихъ обязанность проводника взялъ на себя Хаджи-Нефесъ. Князь Черкасскій отдѣлилъ отрядъ во сто человекъ и послалъ его впередъ къ Хивинскому хану, поручивъ начальнику отдать грамоту съ увѣреніями въ мирныхъ расположеніяхъ посольства и всего отряда. Нѣсколько времени спустя, пришло посольство отъ хивинцевъ; ханъ прислалъ князю лошадей, кафтанъ и плодовъ. Бековичъ опять увѣрялъ посольство въ своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ, но въ то же время сказалъ, что о цѣли своего посольства скажетъ только лично хану.

Отрядъ продолжалъ путь свой по берегу плоской возвышенности; съѣстные припасы иногда покупали у аральцевъ, т. е. племень, живущихъ по берегамъ Аральскаго моря; слово *Аральцы* на ихъ языкѣ означаетъ *поморскій житель*, слово же Араль означаетъ Средиземное море. Аральцы народъ хлѣ-

бопашескій и пастушескій; они въ низменностяхъ, по берегамъ рѣкъ и озеръ, сѣютъ рисъ, маисъ, пшено, просо и зюгаръ, изъ котораго дѣлаютъ крупу, а цѣльный идетъ онъ на кормъ лошадямъ; пашутъ они на волахъ, а поля орошаютъ чрезъ небольшія канавки, проведенныя изъ озера, или рѣки, и, надобно замѣтить, сѣтъ каналовъ проведена очень искусно; кочуютъ они, когда жатва снята, по большей части ордами, кибитокъ во сто; скота у нихъ много, но породы довольно плохой; есть, однакожъ, у иныхъ очень дорогіе аргмаки, верблюдовъ немного; изъ овощей сѣютъ: арбузы, дыни, тыквы, огурцы, морковь, рѣпу, рѣдьку, свеклу, чеснокъ, лукъ и горчицу.

Богатые аральцы одѣваются почти какъ всѣ калмыкскія племена; у мужчинъ длинныя рубашки, похжія на балахоны, шаровары и сверху длинныя мѣховыя шубы и кафтаны; кушаки изъ краснаго сафьяна съ желѣзными бляхами, а къ нимъ привѣшаны ремешки, сумочки для пороху и дроби. Знатные аральцы за поясомъ носятъ кинжалъ, булатной стали, величиною, вмѣстѣ съ черенкомъ, въ 6 вершковъ; черенки сдѣланы изъ рыбьей кости и въ него врѣзаны разноцвѣтные каменья — яхонты и алмазы; ножны золотыя, а иногда и серебряныя, вызолоченныя; у бѣдныхъ черенки безъ каменьевъ, а ножны изъ зеленой, прессованной кожи.

Жены одѣваются почти также какъ мужчины, но балахоны, или верхнее платье дѣлаютъ себѣ изъ синей крашенины, или другой какой, но синей же матеріи. На головахъ носятъ круглыя, на клею сдѣланныя, скуфейки; къ нимъ пришиты дужки, обтянутыя чернымъ бархатомъ, или другою какою черною шелковою матеріей; дужки доходятъ до щекъ и завязываются подъ подбородкомъ. Сверху повязываются косынками и концы закидываютъ назадъ; косы висятъ у нихъ по спинѣ; при выходѣ изъ дому на голову накидываютъ покрывало.

Дочери одѣваются также, только скуфейки на головѣ повязываютъ шелковымъ платкомъ, или кускомъ шелковой скрученной матеріи въ видѣ чалмы. Волосы свиваютъ въ двѣ косы и обвязываютъ бѣлой тафтой, когда волосы кончатся, къ нимъ прибавляютъ что-нибудь и продолжаютъ обвивать тафтою до самой земли.

Отрядъ князя Черкаскаго миновалъ озеро Лауданъ и спустился съ высотъ по спуску Айбугирь: впослѣдствіи тутъ пролегала дорога, но въ его время еще дороги не было. Теперь онъ находился по близости отъ высохшаго русла Аму-Дарьи.

Хивинскій ханъ долго колебался, не зная, какъ смотрѣть на отрядъ князя Черкаскаго, какъ на посольство, или какъ на войско, которое приближается для завоеванія; но туркменцы, тайно бѣжав-

шіе отъ русскихъ, разсѣяли его сомнѣнія; ханъ встрепенулся и началъ собирать войско для отпора русскому отряду. Не успѣли русскіе остановиться близь озера Лауданъ, какъ хивинская конница на нихъ напала; еще наканунѣ имъ попались въ плѣнъ 30 казаковъ, отправленныхъ на рыбную ловлю; одинъ убѣжалъ и заранѣе извѣстилъ русскихъ о приближеніи хивинцевъ. Князь Черкасскій однимъ крыломъ своего отряда уперся въ озеро, а другое оградилъ артиллерією; бой продолжался съ утра до вечера; наконецъ хивинцы были отбиты и отступили; въ ночь русскіе обвели свой лагерь валомъ и рвомъ, и устроили батарею. На слѣдующій день бой возобновился опять и продолжался двое сутокъ; опять хивинцы были разбиты. Число войска ихъ простиралось по ихъ собственнымъ словамъ отъ 60 до 100 тысячъ. Самъ ханъ Ширгазы предводительствовалъ имъ; когда ханъ увѣрился, что силой ничего не сдѣлаешь, то впалъ въ тоску и не зналъ, что начать; къ нему пришелъ его казначей Досимъ-бей, бухарець родомъ, и сказалъ: «нельзя надѣяться на побѣду надъ русскими; они непобѣдимы; надобно заманить къ себѣ ихъ начальника, раздѣлить войско и тогда поодиначкѣ всѣ будутъ въ нашихъ рукахъ.» Были собраны узбеки, и они совѣтъ приняли. Къ князю Черкасскому послали посла съ извиненіями; ханъ при-

казаль сказать, что нападеніе сдѣлано безъ его воли, что онъ только сію минуту прибыль къ войску, и что случившееся происшествіе ему очень непріятно. Если князь Черкасскій идетъ къ нему съ мирными намѣреніями, то онъ готовъ вступить съ нимъ въ переговоры.

Князь Черкасскій хотѣль было наотрѣзъ отказать отъ всякихъ переговоровъ; но составившійся военный совѣтъ раздѣлился на двѣ части, и совѣты князя Саманова взяли верхъ; положено было вступить въ переговоры. Къ хану послали татарина Алтына Усейнова, съ подтвержденіемъ миролюбивыхъ чувствъ и съ объявленіемъ готовности начать переговоры; въ хивинскомъ лагерѣ отвѣчали, что военный совѣтъ собранъ, и отвѣтъ его будетъ сообщенъ въ скоромъ времени.

Хивинцы опять напали на русскій станъ и опять были отбиты; князь Черкасскій послалъ узнать, что это значить. Ханъ отозвалъ свое войско и отвѣчалъ, что это туркменцы и аральцы, безъ его вѣдома, для потѣхи, сдѣлали нападеніе. Бековичъ требовалъ, чтобы ханъ для переговоровъ прислалъ къ русскимъ своихъ приближенныхъ, съ которыми можно было бы заключить мирный трактатъ; ханъ согласился и, въ доказательство того, что нападеніе было сдѣлано противузаконно, передъ русскими посланными, на веревочкѣ, водили двухъ хивинцевъ;

у одного веревочка была продѣта сквозь ноздрю, у другаго сквозь ухо.

Въ русскій станъ прибыли Кулумбай и Назарь-хаджи; они составили мирный договоръ и на коранѣ поклялись въ точности его исполнить. На другой день ханъ пригласилъ князя Черкаскаго къ себѣ; онъ взялъ съ собою 700 казаковъ и драгунъ; по приѣздѣ русскихъ, хивинское войско разступилось на двѣ части и пропустило ихъ прямо къ ханскимъ шатрамъ; князю Черкасскому и его отряду отведены были шатры по близости ханскаго. На другой день ханъ принялъ князя въ своей ставкѣ, сидя на возвышеніи, покрытомъ персидскими коврами, и на красной бархатной подушкѣ, обшитой золотою бахрамою. Онъ подтвердилъ мирныя условія и на коранѣ клялся свято ихъ выполнить; потомъ принялъ подарки, угощалъ князя обѣдомъ, отдалъ ему по-хански богатыми подарками и увѣрялъ его въ своей дружбѣ къ русскимъ. Послѣ этого русскіе вмѣстѣ съ хивинцами двинулись въ Хиву; князь Черкасскій послалъ сказать своему отряду, чтобы онъ шелъ вслѣдъ за войскомъ, а самъ пошелъ вмѣстѣ съ хивинцами, чтобы окончательно договориться о различныхъ статьяхъ мира.

Опять остановились лагеремъ; въ верстѣ отъ хивинскаго расположился русскій. Опять Бековичъ

представлялся хану и подалъ ему царскую грамоту и подарки, но ханъ возвратилъ подарки, говоря, что они не соотвѣтствуютъ тѣмъ, которые обозначены въ грамотѣ. Князь Черкасскій отвѣчалъ, что подарки эти отъ него самого, а царскіе онъ представитъ послѣ. Ханъ говорилъ съ нимъ очень ласково и наконецъ сказалъ, «мы теперь приближаемся къ моей столицѣ; мнѣ нѣтъ возможности помѣстить все русское войско въ одномъ городѣ; лучше всего его размѣстить по нѣсколькимъ, ближайшимъ къ Хивѣ городамъ».

Къ величайшему удивленію русскихъ, Бековичъ согласился и послалъ о томъ письменное предписаніе къ оставшимся въ войскѣ начальникамъ; но тѣ единодушно противились этому распоряженію; не послушались и втораго приказа; наконецъ, при личномъ свиданіи съ княземъ, послѣ очень бурнаго совѣщанія, они покорились; войско было раздѣлено на пять небольшихъ отрядовъ. Узбеки съ войскомъ хивинскимъ тоже раздѣлились на отряды и повели каждый отдѣленіе русскихъ въ иную сторону; ни въ одномъ не было больше 600 человекъ.

Давно желанное мгновеніе наступило; лишь только отряды скрылись и князь Черкасскій еще не успѣлъ слѣзть съ коня, какъ на него бросились хивинцы и изрубили его, всѣхъ его приближенныхъ и братьевъ, всѣхъ русскихъ тоже; въ плѣнъ

взяли очень немногихъ. Голову князя Черкаскаго ханъ въ подарокъ послалъ Бухарскому хану, но тотъ съ отвращеніемъ взглянулъ на нее и отослалъ обратно со словами: «если Хивинскій ханъ людоѣдъ, то пусть любитъ мертвой головой, а я не принимаю участія въ его поступкѣ и головы не хочу!» Голову Саманова и одного изъ братьевъ княжескихъ выставили на висѣлицѣ на показъ народу въ Хивѣ.

Остальные отряды подверглись той-же участи; многіе были перебиты, многіе попались въ плѣнъ и только нѣкоторые убѣжали; изъ нихъ по одиночкѣ отъ времени до времени солдаты возвращались въ Россію и приносили съ собою вѣсть о несчастномъ окончаніи экспедиціи; изъ ихъ-то разсказовъ узнали, какъ погибъ князь Александръ Бековичъ Черкасскій съ братьями, товарищами и 2600 чел. войска.

Раньше всѣхъ объ участи отряда узнали гарнизоны въ новостроящихся крѣпостяхъ. На военномъ совѣтѣ положено было прекратить обширныя работы и ограничиться самымъ тѣснымъ укрѣпленіемъ; въ Астрахань послали просить помощи. Между тѣмъ туркменцы начали ежедневно дѣлать нападенія, наконецъ осадили крѣпости и кидались на нихъ съ ожесточеніемъ; русскіе отбивались что было силы; если часть укрѣпленія была разрушена

ее возобновляли, и изъ кулей муки строили новыя. Но съ каждымъ днемъ гарнизонъ уменьшался и очевидно было, что крѣпостцы держаться долѣе не въ состояніи. На военномъ совѣтѣ положено было воспользоваться оставленными подлѣ берега судами и на нихъ отправиться въ Астрахань; все войско сѣло на суда и отплыло. Но буря ихъ раскидала; они пристали къ устью Куры и провели тамъ зиму; только весною 1718 года возвратились въ Астрахань.

Вѣсть о несчастіяхъ Бековича дошла еще осенью; Астраханскій и Саратовскій коменданты извѣстили объ несчастной экспедиціи Сенатъ и Государя; въ отвѣтъ получили предписаніе усилить гарнизоны на восточномъ берегу Каспійскаго моря и держаться въ нихъ; но повелѣніе пришло уже тогда, когда гарнизоны оставили ихъ и возвратились въ Астрахань.

Петръ Великій былъ за границую и Бухарскій посланникъ все еще дожидался его въ Петербургѣ. Только осенью 1717 года Петръ возвратился и принялъ посольство; между прочимъ посланникъ сказалъ, что ханъ его желаетъ, чтобы Русскій Царь прислалъ ему разумнаго челоуѣка для того, чтобы заключить торговый союзъ, выгодный для обоихъ государствъ. Кромѣ того посоль очень сожалѣлъ объ участи кн. Черкассаго и говорилъ, что предупрежд-

далъ его о вооруженіи хивинцевъ, объ ихъ враждебныхъ чувствахъ и о коварствѣ туркменцевъ.

Петръ Великій, пользуясь выраженіемъ: *прислатъ въ Бухару разумнаго челоуька*, тотчасъ придумалъ снарядить посольство въ Бухару, съ цѣлью развѣдать о странѣ и посмотрѣть нельзя-ли начать торговлю съ Индіею, что всегда составляло желаніе русскихъ государей.

Бухарское посольство было отпущено изъ Петербурга въ мартѣ 1718 года, но задержано въ Астрахани до пріѣзда Флоріо Беневени. Петръ приказалъ ему имѣть въ виду три цѣли: 1) узнать точное географическое положеніе Бухары, составъ войска, есть-ли артиллерія; узнать въ какомъ отношеніи народъ къ правительству, и, въ случаѣ нужды, предложить хану гвардію, составленную изъ русскихъ солдатъ. 2) Торговую цѣль: развѣдать какіе товары есть въ Бухаріи, откуда они что получаютъ и нельзя-ли тамъ увеличить сбытъ русскихъ товаровъ; но главное — куда *далше* идутъ торговые пути и нельзя-ли черезъ Бухару начать торговлю съ Индіей. Наконецъ 3) разузнать какое золото и въ какомъ количествѣ добывается изъ рѣкъ Бухары и Хивы и нельзя-ли въ Хивѣ устроить крѣпость; достаточно-ли выгодно это будетъ для Россіи, т. е. довольно-ли золота можно будетъ пріобрѣсть.

Съ такимъ наставленіемъ выѣхалъ Беневени

изъ Петербурга, засталъ бухарскаго посла въ Астрахани и условился вмѣстѣ съ нимъ ѣхать не черезъ Хиву, а черезъ Персію, потому что оба не довѣряли хивинцамъ. Беневени тотчасъ готовъ былъ къ дальнѣйшему путешествію, но бухарець все медлил; наконецъ въ іюнѣ 1719 года оба прибыли къ персидскому берегу; Беневени написалъ письмо къ хану о своемъ прибытіи и въ отвѣтъ получилъ ласковое письмо, но только черезъ двадцать дней нужныя подводы, чтобы съѣхать на берегъ.

Въ Шемахѣ продержали посольство около года; обходились съ нимъ попеременно то ласково, то дурно, смотря потому, какія извѣстія приходили изъ Россіи: если война съ иностранными державами шла удачно, и съ посольствомъ обращались ласково; не смотря на просьбы и жалобы Беневени, ханъ не отправлялъ посольствъ, не давалъ ему ничего на содержаніе и вообще ничѣмъ не облегчалъ имъ жизнь. Беневени не зналъ чему приписать такое странное поведеніе персіянъ и болѣе всего думалъ, что оно происходитъ отъ недружелюбныхъ отношеній между Персіей и Бухарой.

Не выбратся бы Беневени и еще долѣе, еслибы не переѣхали Шемахинскаго хана и не прислали новаго: но и тутъ опять замедленіе; французскій консуль пріѣхалъ въ Шемаху позже Рус-

ско-бухарскаго посольства, но его снарядили въ дальнѣйшій путь черезъ пять мѣсяцевъ, а о нашемъ и не заботились; тогда Беневени вышелъ изъ терпѣнія, явился къ хану и требовалъ, чтобы ему объяснили, по какому поводу его задерживаютъ, между тѣмъ какъ французовъ отправляютъ. Ханъ извинялся, сваливалъ всю вину на своего предшественника и увѣрялъ, что черезъ четыре дня все будетъ готово; но время шло и подводы, приготовленныя для русскихъ, были отданы французамъ; тогда Беневени выслалъ своихъ людей и палатку за городъ, объявилъ, что отправляется обратно въ Россію и будетъ жаловаться Петру на притѣсненія персіянъ. Это было наканунѣ Петрова дня; бухарецъ пріѣхалъ къ Беневени съ поздравленіемъ и съ тѣмъ, чтобы проводить его.

Шемахинскій ханъ осердился на намѣреніе Беневени, приказалъ коменданту съ персіянами окружить домъ и стрѣлять по русскимъ; наши тоже взяли за оружіе и началась перестрѣлка; у нашихъ всего было 16 чел., которые умѣли стрѣлять, а персіянъ было нѣсколько сотенъ солдатъ, но они вскорѣ разбѣжались; у нихъ убитыхъ было 5 человекъ, у русскихъ же 3; въ числѣ персіянъ и шемахинскій комендантъ. Послѣ этого Беневени прекратилъ всякое сношеніе съ ханомъ и написалъ въ Россію о своемъ непріятномъ и даже опасномъ положеніи въ Шемахѣ.

Сенатъ прислалъ ему приказаніе немедленно возвратиться, если не дадутъ ему возможности отправиться дальше, а хану присланъ былъ выговоръ.

Ханъ одумался, видѣлъ, что поступилъ дурно и еще задолго до прибытія письма изъ Петербурга неоднократно пытался помириться съ Беневени, тотъ согласился помириться, если ему немедленно дадутъ средства отправиться ко двору шаха; самъ же выѣхалъ за городъ. Въ это время лезгины приближались къ Шемахѣ, производя опустошенія по деревнямъ и встрѣчнымъ городамъ. Ханъ извѣстилъ объ этомъ Беневени и совѣтовалъ ему возвратиться въ Шемаху, но посольство отказался; тогда ханъ прислалъ нужное количество верблюдовъ и лошадей, и посольство двинулось въ путь, въ тоже время съ противоположной стороны сходили лезгины. Посольство поднялось на гору и остановилось, чтобы посмотреть, какъ Беневени самъ говоритъ, на шемахинскую трагедію.

Флоріо Беневени прибылъ въ Тегеранъ, когда въ Персіи были волненія и междоусобія,—правленіе слабое и необдуманное. Первый министръ принялъ посольство очень ласково, но просилъ неотступно о томъ, чтобы не доводили до свѣдѣнія шаха, какъ съ нимъ поступали въ Шемахѣ. Однакожь, вслѣдствіе интригъ самъ министръ былъ сверженъ и ослѣпленъ, а мѣсто его занялъ другой, новый

любимецъ шаха. Это происшествіе замедлило пріемъ посольства; когда-же Беневени наконецъ представился, онъ пожаловался на обращеніе съ нимъ въ Шемахѣ и требовалъ удовлетворенія. Шахъ сказалъ, что ничего не знаетъ, всю вину приписалъ прежнему министру, и успокоивалъ тѣмъ, что онъ уже наказанъ; между тѣмъ и здѣсь медлили отправленіемъ посольства. Беневени нѣсколько разъ жаловался шаху, тотъ каждый разъ приказывалъ его отпустить, а распорядители, по своей-ли, по чужой-ли винѣ, медлили, и изъ Тегерана посольство выѣхало только въ маѣ 1721 года.

Въ ноябрѣ Беневени прибылъ въ Бухару и принужденъ былъ оставаться до апрѣля 1725 года. Сначала его приняли очень ласково: Топчи-Баши съ узбеками и придворными служителями встрѣтили посольство за 10 верстъ, дали ему загородный дворецъ, а ханъ принялъ его чрезвычайно ласково. Ханъ до конца пребыванія нашего посольства въ Бухарѣ не измѣнился къ нему, но окружающіе его узбеки думали только о томъ, какъ-бы побольше пожитья отъ него. Въ это время въ Бухарѣ шли междоусобія, были два хана и народъ дѣлился на двѣ враждебныя партіи; непріязненные узбеки всѣми силами пытались вызвать настоящаго хана изъ города, чтобы умертвить его въ степи, а престолъ отдать его родственнику, враждовавшему съ нимъ;

много разъ вызывали его то къ войску для предводительства имъ, то въ Самаркандъ для того, чтобы посадить его на священный камень и тѣмъ доказать свои права на наслѣдство престоломъ. Въ Самаркандѣ есть большой камень, какъ утверждали бухарцы, упавшій съ неба; законный ханъ садится на него и камень освящаетъ его права; еслиже ханъ незаконный, то онъ не могъ и приблизиться къ камню: его отбрасывала невидимая сила.

При торжественномъ приѣмѣ Беневени, по условію съ министромъ и любимцемъ хана, верхомъ въѣхалъ во дворъ, сошелъ съ лошади у самаго крыльца и, войдя въ приемный залъ, не кланялся въ землю, какъ всѣ другіе посланники, а поклонился по европейски; ханъ отвѣчалъ наклоненіемъ головы и поздравилъ съ приѣздомъ; потомъ онъ подошелъ къ самому трону и произнесъ длинную рѣчь на турецкомъ языкѣ; не давши ее окончить, главный министръ остановилъ посла, говоря, чтобы онъ подалъ грамоты. Беневени подалъ ее, а ханъ только коснулся ея рукою, министръ принялъ ее и самъ докончилъ рѣчь русскаго посла, потому что зналъ ее напередъ. Послѣ этого посадили Беневени на четвертомъ мѣстѣ между узбеками.

Послѣ торжественнаго приѣма, только однажды удалось Беневени говорить съ ханомъ, да и то не наединѣ, несмотря на обоюдное желаніе, и поэтому

главной цѣли посольства нельзя было достигнуть. Узбеки до того постоянно окружали хана, что ему не было возможности шагу сдѣлать безъ ихъ вѣдома. Засыпая подарками любимца ханскаго, его сестру и няньку, Беневени удалось только черезъ нихъ довести до свѣдѣнія хана, что Петръ предлагаетъ ему оборонительный и наступательный союзъ противъ Хивы и Персіи, а для усиленія власти въ своемъ государствѣ и для усмиренія непокорныхъ — гвардію, составленную изъ русскихъ. Отвѣтомъ на это было: союза ханъ не можетъ принять изъ опасенія не понравиться узбекамъ, а гвардіи ему не нужно, потому что самъ справится съ непокорными.

Хотя отвѣтъ этотъ былъ очень положителенъ, но Беневени казалось, что хану все-таки предложеніе нравится и ему-бы хотѣлось переговорить съ нимъ наединѣ; онъ замѣтилъ это изъ того, что встрѣчаясь съ нимъ, ханъ какъ-будто искалъ случая сказать ему что-то; въ день же именинъ Петра приходилъ тайно на посольскій дворъ, но опять ушелъ, потому что и узбековъ набралось туда много.

Время проходило, рѣшенія никакого не было; Беневени послалъ гонца въ Россію съ просьбою позволить ему вернуться; послалъ онъ своего камердинера, Минера, съ которымъ, кромѣ письменныхъ свѣдѣній о торговлѣ Бухары и о географическомъ положеніи ея, объ историческомъ и стати-

стическомъ ея состояніи, сообщилъ множество подробныхъ извѣстій, еще словесно велѣлъ передать все, что узналъ о золотомъ пескѣ Аму-Дарьи. «Песокъ въ ней находится довольно богатый, но течетъ она сама не изъ рудной горы, писалъ онъ, а въ нее втекаетъ рѣка Унокла, которая и приноситъ весь золотой песокъ. Жители при истокахъ Уноклы собираютъ самородки довольно крупными зернышками; лѣтомъ когда шерсть съ овецъ остригутъ, ее кладутъ въ грязь и въ иль, да тамъ и оставляютъ нѣсколько времени, потомъ вынимаютъ, просушиваютъ, да и выбираютъ чистое золото; въ горахъ ни золота, ни серебра не добываютъ: тамошніе беи держатъ вокругъ стражу.»

Минеръ словесно и письменно объяснилъ все это въ Москвѣ, въ посольской канцеляріи. Въ Аму-Дарьи, по его словамъ, песокъ промываютъ въ котлахъ, потомъ высушиваютъ на кожахъ и по нимъ бьютъ прутьями; отъ этого песокъ отскакиваетъ и отвѣвается, какъ болѣе легкое вещество, а золото, какъ тяжелѣйшее, остается на кожахъ; золото все еще не совершенно чисто; но примѣсь такъ незначительна, что она выгораетъ во время плавленія. Говорилъ Минеръ, что въ мирное время каравана 4 или 5 отправляются съ золотомъ изъ Бадагшана въ Мешедъ, тамъ оно передѣлывается въ персидскія деньги.

Беневени въ Бухарѣ особенно много терпѣлъ отъ корыстолюбія узбековъ; онъ отдаривался сколько могъ и все-же не достигалъ того, чего ему хотѣлось; онъ неоднократно просилъ, чтобы его отправили обратно, но и этого не дѣлали; наконецъ, улучивъ удобный случай, онъ довелъ до свѣдѣнія хана, что Государь Русскій требуетъ его домой, что гнѣвается на него, зачѣмъ прожилъ три года безъ всякаго дѣла въ Бухарѣ. Ханъ разрѣшилъ отъѣздъ посла, назначилъ ему прощальную аудіенцію, принялъ отъ него подарки, вручилъ грамоты и позволилъ ему ѣхать.

Но узбеки были другаго мнѣнія; они все-таки не выпускали посла; прошелъ опять мѣсяць. Ежедневно къ Беневени приходили русскіе плѣнные и умоляли, чтобы онъ ихъ выкупилъ, или, по крайней мѣрѣ, далъ денегъ на содержаніе; оказалось, что въ одной Бухарѣ до 2000 плѣнныхъ, все задержанныхъ купцовъ, или захваченныхъ туркменцами казаковъ во время набѣговъ и проданныхъ въ неволю.

Послѣ новыхъ просьбъ и еще большихъ подарковъ узбекамъ, наконецъ выдали Беневени подводы, верблюдовъ и охранную стражу до Персидской границы; но черезъ четыре дня пути отъ Хивы, ему пришлось остановиться въ городкѣ Чирки; тутъ узналъ онъ, что при переправѣ черезъ

Аму-Дарью его ждутъ туркменцы и что они поклялись убить и ограбить его, а дѣйствовать такъ ихъ научили бухарскіе узбеки. Увѣрившись въ справедливости показанія, Беневени рѣшился возвратиться назадъ въ Бухару и избрать другой путь.

Онъ такъ и сдѣлалъ. Въ Бухарѣ его встрѣтила еще большая противъ прежняго злоба; узбеки составили совѣтъ и положили убить русскаго посла, не давая ему возвращаться въ Россію, передавать свѣдѣнія, набранныя въ Бухарѣ, въ теченіи столькихъ лѣтъ; одинъ только первый министръ и любимецъ хана не соглашался убивать Беневени, но долженъ былъ согласиться не выпускать его изъ Бухары.

Положеніе Беневени было отчаянное; изъ Хивы отъ Достумъ-Бея, любимца ханова, получилъ онъ много писемъ, въ которыхъ его приглашали ѣхать черезъ Хиву въ Россію, обѣщая ему почетный пріемъ, свободный проѣздъ и всякія льготы; но участь князя Бековича еще была не забыта и страшила Беневени, онъ не вѣрилъ хивинцамъ, но и положеніе его въ Бухарѣ день ото дня становилось невыносимѣе.

Наконецъ онъ тайно выслалъ за городъ четырехъ верблюдовъ съ водою, а самъ, въ сопровожденіи двадцати-семи человѣкъ верхомъ, забравъ съ собою что подороже, а остальное оставивъ

знакомому купцу, ночью выѣхалъ за городъ и поскакалъ что было мочи; къ утру догналъ своихъ верблюдовъ и съ ними продолжалъ ѣхать быстро, все еще опасаясь погони.

Добрался Беневени до Хивы, послалъ впередъ гонца къ Достумъ-Бею, извѣстить его о своемъ прїѣздѣ, и велѣлъ просить, чтобы ему отвели квартиру въ загородномъ домѣ, потому что въ городѣ останавливаться не хотѣлъ. Въ пяти верстахъ отъ Хивы Достумъ-Бей со многими узбеками выѣхалъ къ Беневени навстрѣчу, принялъ его съ почестями и помѣстилъ въ своемъ собственномъ загородномъ домѣ.

Хивинцы своимъ обращеніемъ старались заглядить коварный поступокъ съ княземъ Бековичемъ и истребить недоувѣрчивость въ Беневени. Горожане принесли посольству съѣстныхъ припасовъ, а черезъ нѣсколько дней опять прїѣхалъ Достумъ-Бей, говорилъ, что кн. Бековичъ убить не по его винѣ, и не по ханской, потому что самъ былъ еще не полновластенъ, и при дворѣ некому было остановить убійство. Потомъ онъ осмотрѣлъ подарки, назначенные хану, нашелъ ихъ недостаточными и заставилъ посла покупать и брать въ долгъ у хивинскихъ торговцевъ не только подарки для хана, но и для себя, и для всѣхъ узбековъ.

Однимъ разомъ Беневени не отдѣлался; его

обирали всё, начиная отъ хана до послѣдняго придворнаго служителя; ханъ былъ съ нимъ ласковъ, но все выпрашивалъ, что онъ замѣтилъ въ Бухарѣ, особенно допытывался, не знаетъ ли онъ чего о золотыхъ приискахъ, о торговлѣ и войскѣ. Но Беневени былъ ловокъ, умѣлъ ускользнуть отъ щекотливыхъ распросовъ и устроилъ такъ, что для примиренія съ Россіею избранъ былъ назначенный хивинскій посоль; между тѣмъ время шло, и отъѣздъ постепенно откладывали подъ самыми ничтожными предлогами; обирали-же Беневени безъ всякихъ предлоговъ; не уцѣлѣли даже лучшія лошади въ конюшнѣ и лучшія вещи, назначенныя для собственнаго употребленія русскихъ.

Хивинцы не знали, какъ написать грамоту, наконецъ порѣшили тѣмъ, что напишутъ какъ хорошо, съ какими почестями принимали въ Хивѣ проездомъ изъ Бухары бывшаго русскаго посла, о Бекевичѣ же упомянуть только мимоходомъ и скажутъ, что ханъ въ этомъ дѣлѣ нисколько не виноватъ; въ заключеніе просили Царя прислать въ Хиву посла, которому безъ выкупа выдадутъ всёхъ русскихъ плѣнниковъ.

Грамота была написана; у Беневени братъ уже было нечего, ему каждый день дѣлали неприятности; наконецъ въ августѣ онъ вырвался изъ Хивы и черезъ 25 дней добрался до Гурьева-городка,

а въ сентябрѣ 1725 года до Астрахани, пробывъ болѣе пяти лѣтъ внѣ Россіи—въ Персіи, Бухарѣ и Хивѣ.